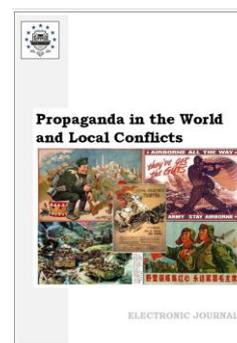

Copyright © 2024 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Propaganda in the World and Local Conflicts
 Issued since 2014.
 E-ISSN: 2500-3712
 2024. 11(1): 3-18

DOI: 10.13187/pwlc.2024.1.3
<https://pwlc.cherkasgu.press>

Articles

Patriotic Poetry of S.F. Sulin: Stereotyping of the Don Cossacks

Artyom Yu. Peretyatko ^{a, b, *}

^a Cherkas Global University, Washington, DC, USA

^b Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Abstract

The article analyzes patriotic poetry of a Cossack poet S.F. Sulin. S.F. Sulin was a retired officer, an amateur poet hailing from a Don noble family, who attracted some attention in the 19th century as the author of a poetry collection “The Second Patriotic War of 1914–1915”. The article shows that S.F. Sulin’s work with patriotic material was rather peculiar: though substantial part of his poems is formally dedicated to specific battles and feats, in fact the author translates his own stereotypes about how war and its heroes should look. At the same time, stereotypes of S.F. Sulin were archaic, limited and didn’t match the reality of World War I: his poems didn’t reflect neither trench warfare nor everyday war life, yet he regularly painted dashing cavalry attacks. Even more peculiar and limited is the emotional range of his heroes: they perceive war as a “celebration” and even a “dream”, and don’t feel any reflection about it. Such images are closely related to pre-revolutionary propaganda in Cossack Hosts – in particular, with “Pictures of the former Quiet Don” by P.N. Krasnov, which also offered an image of a true Cossack as “dashing equestrian warrior” who was happy to serve Russia with his arms. As a result, poems of S.F. Sulin could have caused a certain propaganda effect on people who learned said image of a Cossack, but for people of pacifist or anti-military views such poems were of little attractiveness.

Keywords: war propaganda, patriotic poetry, Don Cossacks, World War I, stereotypes.

1. Введение

Патриотическая поэзия Первой мировой войны – интересный и неоднократно привлекавший внимание исследователей феномен. При этом оценки этого феномена различными авторами диаметрально разнятся. Так, Б. Косанович, проанализировав образы союзных Сербии и Черногории в стихах русских поэтов, приходит к безжалостному выводу: «Поэзия, которая является предметом нашего внимания, на первый взгляд выдвигает идею, в ущерб художественному качеству произведения. <...>. Учитывая тот факт, что изложение рассчитано на широкую аудиторию, оно несложно и доступно, в нем, как правило, совсем не используется эзопов язык, отсутствует более богатая образность, параболы и аллегории» (Косанович, 2004: 71). Напротив, И.Ф. Герасимова находит в патриотической лирике русских поэтов если не литературные, то философские глубины: «Размышления о смысле войны и роли России в общемировой истории интерпретируются русскими поэтами в русле оптимистической

* Corresponding author

E-mail addresses: ArtPeretatko@yandex.ru (A.Yu. Peretyatko)

эсхатологии “последней войны”; панславистской утопии о новой “христианской империи”; историсофского представления о “войне за мир” как земного воплощения горнего противостояния между Христом и Антихристом» (Герасимова, 2014b: 21).

В то же время при изучении подобной поэзии исследователи, как правило, обращаются к достаточно широкому кругу авторов, в числе которых и крупные поэты (здесь, прежде всего, уместно отметить работы много занимавшейся данной темой И.Ф. Герасимовой) (Герасимова, 2012: 4757; Герасимова, 2014a: 510). Исключение здесь составляет статья Ю.А. Рыкуниной «Первая мировая война в текстах писателей из народа», в которой рассматриваются стихотворные отклики на Первую мировую войну писателей-самоучек, однако в ней автор фактически воздерживается от широких обобщений, ограничиваясь рассмотрением отдельных текстов (Рыкунина, 2015: 32-45).

С учетом подобной ситуации нам показалось любопытным в своей статье подробно проанализировать патриотические стихи одного автора-дилетанта, скромная известность которого почти исключительно связана с его батальными стихами. Речь идет о С.Ф. Сулине, авторе изданного в Новочеркасске в 1915 г. сборника «Вторая отечественная война 1914–1915 гг.» (Сулин, 1915). Эмигрировавший в 1920 г., С.Ф. Сулин был полностью забыт в СССР, однако в XXI в. ряд его стихов появился в интернет-пространстве, вызвав определенный отклик. Вот, например, что пишет о С.Ф. Сулине в «Живом Журнале» К.А. Пахалюк: «Нашел его книгу сегодня в Историчке (Государственной публичной исторической библиотеке России – А.П.) – решил кое-какие стихи выложить (гневно-обличительные в лучшем духе Эренбурга и разоблачений КПСС в адрес немецко-тевтонских орд опустил). Главным – и, пожалуй, единственным – достоинством сих вирш является патриотизм» (Пахалюк, 2011). Д. Борисов с гораздо большим восторгом отнесся к поэзии С.Ф. Сулина и даже посвятил ему стихи:

«Солдатский долг – есть высший долг!

Поэта голос не умолк,

За век, прошедший с той войны,

Тебе, Поэт, в моих стихах – мои цветы...» (Борисов, 2015).

Наконец, С.П. Чибисова посвятила С.Ф. Сулину сугубо биографическую, а не литературоведческую статью, в которой, однако, кратко анализируются и цитируются исключительно стихотворения поэта о Первой мировой, которым в целом дается такая оценка:

«Написанные в контексте эпохи, стихи Сулина помогают лучше её понять и осознать. Россия представлена как Святая Русь, которая борется с жестокими германцами. Говорится о подвиге русского народа и отдельного солдата, его духовном превосходстве над тевтоном-противником, его героизме» (Чибисова, 2012: 177-181).

Как мы видим, даже в немногочисленных оценках творчества С.Ф. Сулина представлен тот же разброс мнений, с которым мы сталкиваемся при общей оценке патриотической поэзии Первой мировой войны: от «виршей», единственным достоинством которых является патриотизм, до стихов, полезных для понимания своей эпохи. При этом творчество С.Ф. Сулина, не связанное с войной, интереса у исследователей не вызывает. И в своей статье мы попытаемся проанализировать специфику творчества донского поэта – и понять, как она соотносится с подобным разбросом оценок.

2. Материалы и методы

Основными источниками для нас будут сборники С.Ф. Сулина «Вторая отечественная война 1914–1915 гг.» и «Донцы в Тавриде». На основе анализа данных сборников мы попытаемся реконструировать образ войны в своеобразном поэтическом мире С.Ф. Сулина, а затем сопоставим этот образ с реальной Первой мировой войной. Это позволит нам понять и то, насколько талантливо, и то, насколько реалистично поэт описывал войну – а также сделать некоторые выводы о причинах скромного, но стабильного внимания к его творчеству как современников, так и современных авторов.

3. Результаты

Автор

Прежде всего, следует сказать несколько слов о самом С.Ф. Сулине. Его биография в общих чертах установлена С.П. Чибисовой в статье «Сергей Сулин – поэт и театрал» (Чибисова, 2012: 177-181). Сергей Федорович Сулин происходил из дворянского донского

рода, предки которого прослеживаются до середины XVIII в.; в числе его родственников были полковники и генералы, однако ближайшие предки, отец, дед и прадед, выше полковничьего чина не выслуживались (Чибисова, 2012: 177-181). Сам С.Ф. Сулин родился в 1873 г. в Новочеркасске, получил чисто военное образование (Донской императора Александра III кадетский корпус и Николаевское кавалерийское училище), однако военной карьеры не сделал, и в 1910 г. был зачислен в запас в чине есаула (Чибисова, 2012: 177-181). С.П. Чибисовой не удалось найти сведений о его браке и, по-видимому, по крайней мере до 1920 гг. С.Ф. Сулин оставался холост (Чибисова, 2012: 177-181). Зато как минимум с 1901 г. С.Ф. Сулин пробовал себя как литератор, писал стихи, театральную и литературную критику (Чибисова, 2012: 177-181). Первая его книга вышла в 1908 г. в Санкт-Петербурге, причем патриотическая тематика в ней представлена слабо, зато целый раздел посвящен альпийскому путешествию автора, который, будучи богатым человеком, мог себе позволить путешествия по Европе (Чибисова, 2012: 177-181).

Таким образом, С.Ф. Сулин принадлежал к специфической казачьей аристократии, сформировавшейся в XIX в. Это были люди, интересы которых выходили далеко за пределы Области Войска Донского и военного дела. В этом отношении показательна биография ровесника С.Ф. Сулина, Платона Николаевича Краснова. Он родился в 1866 г., тоже в донском дворянском роду, восходившем к XVIII в., к которому принадлежал ряд генералов; окончил, в отличие от С.Ф. Сулина, Санкт-Петербургский университет, однако затем некоторое время служил в военном министерстве (Королев, 1991: 251). Однако страстью Пл.Н. Краснова была литература: с 18 лет он публиковал стихотворные переводы, а позднее занимался литературной критикой и публицистикой (Королев, 1991: 251-253). В 1914 г. в одной из биографических статей о нем были написаны такие слова: «Одновременно математик, классик, критик, поэт – согласитесь, для казака <...> любопытное превращение» (Королев, 1991: 253).

С середины XIX в. известны обвинения представителей подобной донской аристократии в том, что они оторвались от донского казачества. Например, еще в начале 1860 гг. начальник штаба Донского Войска А.М. Дондуков-Корсаков писал: «Часть дворянства, преимущественно незнакомя совершенно с краем, народным бытом, остается равнодушна к общим интересам массы. <...>. Странно слышать в обществе выражение, что казаки “желают того-то” или “тяготятся тем-то”, когда знаем, что мнения эти подчерпнуты из слов какого-нибудь богатого помещика или служащего, никогда не живущего на Дону, или молодого офицера, считающего лучшим средством доказать свое образование и современные понятия отрицанием идеи казачества» (Карасев, 1896: 587).

В случае с С.Ф. Сулиным подобная оценка, безусловно, окажется излишне жестокой, однако все же следует учитывать, что, с одной стороны, он был донским казаком и развивал специфическую казачью культурную традицию – а с другой стороны, до 1914 г. тематика его стихов далеко не ограничивалась специфически казачьими, военными и патриотическими сюжетами. Кроме того, следует учитывать, что формально С.Ф. Сулин был человеком с опытом военной службы – однако о каком-либо его реальном участии в военных действиях русско-японской и Первой мировой войн С.П. Чибисова не пишет, в гражданскую войну он служил в Донской армии, однако, по-видимому, на поле боя особо ярко себя не показал, а в эмиграции донской поэт действительно ярко «проявил себя замечательным организатором культурного досуга и создателем драматического театра» (Чибисова, 2012: 177-181). Таким образом, С.Ф. Сулин – это человек, сложившийся в донской казачьей среде, традиционно связанной с военной службой, однако принадлежавший к самой ее верхушке, с XIX в. отдалявшейся от простого казачества и демонстрировавшей широту интересов; человек, много лет служивший в армии мирного времени, но на момент написания сборника «Вторая отечественная война 1914–1915 гг.» в реальных боях, очевидно, не участвовавший.

К этому следует добавить, что стихи С.Ф. Сулина, написанные до Первой мировой войны, остались более или менее незамеченными: нам не удалось обнаружить каких-либо рецензий на них, не приводит подобных рецензий и С.П. Чибисова. Позднее, в эмиграции, в предисловии к одной из своих книг, С.Ф. Сулин позиционировался как автор, «известный еще по России, по Великой войне – своими казачьими песнями и патриотическими стихами» (Сулин, 1937: 3). И действительно, первым его заметным успехом как поэта стал поэтический сборник «Вторая отечественная война 1914–1915 гг.», выдержавший три

издания (Чибисова, 2012: 177-181). Как мы увидим далее, и в эмиграции С.Ф. Сулин продолжил использование опробованных им в этом сборнике литературно-пропагандистских концептов, издав в 1937 г. концептуально близкий сборник «Донцы в Тавриде». Таким образом, донской поэт нашел себя в достаточно зрелом возрасте и именно в жанре военно-патриотической поэзии, которая и после Первой мировой войны продолжала составлять важнейшую часть его творчества.

Тематика текстов

В сборник «Вторая отечественная война 1914–1915 гг.» вошло 22 стихотворения. Их можно разделить на несколько групп, каждая из которых заслуживает отдельного анализа.

Первую группу стихотворений составляют предельно прямолинейные и безыскусные описания конкретных сражений и отдельных подвигов солдат российской императорской армии (часто, но не всегда, донских казаков). Российские воины в них всегда подаются героями без страха и упрека, а вот правдоподобие и внутренняя логика нарратива могли отсутствовать. Например, в стихотворении «Казак Лавин» одному казаку сдаются «девятнадцать австрияков», причем даже не пытаясь вступить с ним в сражение, а причиной этого указывается исключительно страх австрийцев перед открыто скачущим на них, в духе войн прошлого столетия, казаком:

«И помчался он в атаку,
И гичал издалека,
Но идти австрийцы в драку
Не смогли на казака.
Все от страха затряслися,
Издавая жалкий стон,
И Донцу они сдалися,
И пошли за ним в полон» (Сулин, 1915: 8-9).

Наиболее внутренне противоречиво стихотворение «Дело казаков под Городком». В нем сначала описывается, как казаки уничтожили до последнего человека венгерскую гусарскую дивизию:

«И от гвардии старинной
Будапештских лейб-гусар
Не остался ни единый
Незарубленный мадьяр» (Сулин, 1915: 8).

Однако буквально через строфу донские казаки начинают преследование разбитого противника, хотя какие-либо иные вражеские части, кроме уничтоженной гусарской дивизии, в стихотворении не фигурируют:

«Наш отряд пустился смело
За идущим вспять врагом...
Так закончилось дело
Казаков под Городком» (Сулин, 1915: 8).

Таким образом, даже стихи о конкретных событиях и подвигах солдат российской армии, написанные С.Ф. Сулиным, в действительности описывают не реальные события, а авторские стереотипы о них, то, как, с точки зрения С.Ф. Сулина, должны были вести себя герои-воины. Подчеркнем еще раз, что о личном участии донского поэта в боевых действиях до 1915 г. нам не известно. Соответственно, вполне логично, что, описывая Первую мировую войну еще до того, как в литературе сформировались общепринятые образы ее описания, С.Ф. Сулин опирался на образы, возникшие при описании войн прошлого, и в действительности не только неспецифичные для новой войны, но и часто противоречащие ее реалиям. Подобная архаичность при описании Первой мировой войны была свойственна и куда более крупным поэтам, в 1914 г. откликнувшимся на актуальные события. Вот как писал об этом В.В. Маяковский в статье «Война и язык»:

«Или Валерий Брюсов:
Не вброшены ль в былое все мы,
Иль в твой волшебный мир, Уэльс?
Не блещут ли мечи и шлемы
Над стрелами звенящих рельс?»

“Мечи”, “шлемы” и т. д., разве можно подобными словами петь сегодняшнюю войну! Ведь это язык седобородого свидетеля крестовых походов. Живой труп, право, живой труп» (Маяковский, 1968: 375-376).

Вторую группу стихотворений сборника «Вторая отечественная война 1914–1915 гг.» составляют патриотические тексты более общего плана, которые явно привязаны к реалиям Первой мировой войны, однако не могут быть соотнесены с конкретным событием. Здесь наиболее характерным примером может служить стихотворение «Императорский бой», в котором очевидно описано сражение российской императорской армии с армией Германской империи, но очевидных параллелей с реальностью описания С.Ф. Сулина не имеют. Стихотворение начинается с того, что «Тевтон» вторгается в пределы России:

«Забыв заветы вековые,
Неся пожар, насилье, стон,
Сметенный дважды из России,
Вновь рати вел на нас Тевтон» (Сулин, 1915: 9).

Далее описывается, как некий «фельдмаршал кайзера упорный» посылал в атаку на российские позиции корпус за корпусом (Сулин, 1915: 10). Ему, в свою очередь, противостоит «Вождь Верховный русской силы» (Сулин, 1915: 10). Никаких конкретных географических названий или фамилий в тексте нет. Заканчивается стихотворение предсказуемо – полным разгромом немецкой армии:

«На ад германской батареи
Несутся лавой казаки,
Берутся новые трофеи,
Сдаются целые полки.
Сражен невиданным отпором,
Лишившись главных своих сил,
Пред русской мощью враг с позором,
Едва спасаясь, отступил» (Сулин, 1915: 10).

Теоретически, данное стихотворение может являться описанием одной из операций в Польше в 1914 г., закончившейся относительным успехом российской армии, Варшаво-Ивангородской или Лодзинской. В этом случае «фельдмаршал кайзера упорный» – командующий войсками Германской империи на восточном фронте П. фон Гинденбург, а «Вождь Верховный русской силы» – главнокомандующий российской армией великий князь Николай Николаевич, а явное преувеличение успехов российской армии – поэтическая вольность С.Ф. Сулина. Более вероятным, однако, нам кажется, что С.Ф. Сулин не описывал какое-либо конкретное сражение, но транслировал свое представление о том, как должна выглядеть решающая битва между армиями двух императоров, Николая II и Вильгельма II.

В пользу подобной версии говорит и то, что в других стихах, не связанных с конкретными событиями, С.Ф. Сулин предлагал читателю предельно абстрактные и оторванные от реальности образы. Так, в стихотворении «Встарь и ныне» он изображал главной силой Черноморского флота Российской империи броненосцы, в то время как в реальности данный класс военных кораблей уже устарел, уступив место главной силы флота линкорам:

«Встарь на страх свой запорожцы
И Донские казаки
Направляли в Византию
Свои легкие струги;
Час пробил, и броненосцы,
Мощным флотом велики,
Грудью бьются за Россию:
Турки наши вновь враги» (Сулин, 1915: 14).

Не вдаваясь в детали военно-морской терминологии, просто отметим, что данная строфа свидетельствует: реалистичность описания современного морского боя интересовала С.Ф. Сулина мало, и связать броненосцы, которые «грудью бьются за Россию» с каким-либо конкретным реальным сражением на Черном море в 1914–1915 гг. не представляется возможным.

К этой группе стихотворений относятся и два текста, описывающих не подвиги российских солдат, но германские злодеяния. Таких стихотворений всего два («Тевтоны»

(Сулин, 1915: 7) и «Кайзеру» (Сулин, 1915: 19), и в них отсутствуют какие-либо указания на конкретные военные преступления кайзера или его армии. Самым близким к подобному указанию оказывается обвинение Вильгельма II в потоплении гражданских кораблей, однако и оно ограничивается общими словами, без каких-либо названий или запоминающихся образов:

«От зверств, кровь в жилах леденящих,
С презреньем содрогнулся мир:
На корабле, в волнах скользящем,
Твой враг нейтральный пассажир!
Без цели топишь пароходы,
Как варвар, губишь города,
Сметаешь мирные народы,
И кровь их для тебя – вода!» (Сулин, 1915: 19).

Наконец, к последней группе стихотворений сборника «Вторая отечественная война 1914–1915 гг.» относятся те тексты, которые настолько лишены конкретных реалий, что их нельзя соотнести с какой-либо конкретной войной. В определенном смысле, эти стихотворения наиболее интересны и амбициозны: в них С.Ф. Сулин пытался описать не события, а универсальные чувства, испытываемые воинами (разумеется, чаще всего, донскими казаками). Наиболее обобщающим является стихотворение «Когда сраженный пулей роковою...», призывающее читателей сплотиться, невзирая на потери:

«Когда сраженный пулей роковою,
Герой за родину святую кровь прольет,
Семью ударит эхо боевое,
И кровь его о мщенье вопиет.
Соединенные ж незримыми путями
Мы с войском – крепки быть должны душой,
Чтобы, невидимо поддержанные нами,
Шли бодро воины в победоносный бой.
И – если тяжело стало бремя нам войны –
То, вспомнив подвиги бессмертные героев,
И всю энергию, всю мощь души удвоив,
Им победить врага – помочь теперь должны» (Сулин, 1915: 12).

Схожие мотивы в русской любительской патриотической лирике вполне представлены даже в наши дни.

Оговорим, что четко провести границу между выделенными нами типами стихотворений не всегда возможно. В нескольких случаях С.Ф. Сулин пытался отойти от бесхитростного описания подвигов и боев, совместив их с описанием эмоций, испытываемых участниками и зрителями, т. е. совместить стихотворение первой или второй группы со стихотворением третьей группы. В качестве примера приведем стихотворение «О казаке Крючкове», в котором, вопреки названию, описывается не сам подвиг К.Ф. Крючкова, но реакция на него казаков, якобы наблюдавшаяся автором:

«Коль по дюжине ты
Станешь немцев сражать,
Сгинут наши мечты
Нам самим воевать.
Коли все, как ты сам,
Станут немцев косить,
Что ж останется нам,
Ты позвол-ка спросить?
Нас недолго и ждать,
Оставляем мы дом –
Молодежь поддержать
Грозной силой идем!» (Сулин, 1915: 6).

Несмотря на подобное затруднение, все же попытаемся представить итоговую таблицу распределения стихов сборника «Вторая отечественная война 1914–1915 гг.» по группам, уточнив принцип классификации. В первую группу мы включали все стихотворения,

в которых описаны конкретные бои и подвиги, во вторую – те стихотворения, в которых упоминаются без конкретики фамилии генералов и офицеров, «кайзер», «тевтоны», «броненосцы» с привязкой к Черному морю и т. д. (т. е. из контекста следует, что описана именно Первая мировая война), а в третью группу – оставшиеся стихотворения.

Описания конкретных сражений и отдельных подвигов	Стихотворения, привязанные к реалиям Первой мировой войны	Стихотворения, не связанные с реалиями конкретной войны
«Дело казаков под Городком», «Казак Лавин», «Подвиг добровольца-санитара Юрия Карпова», «Поручик Егоров в бою под Осовцом», «Вахмистр Исаев», «Генерал Каледин», «Песня о новом Венгерском походе»	«Русскому Воинству», «Дон поднялся», «О казаке Крючкове», «Донцы», «Тевтоны», «Галиции», «Императорский бой», «Встарь и ныне», «Казаки в окопах», «Кайзеру»	«Посвящение Августейшему Атаману всех казачьих войск», «Когда, сраженный пулей роковою...», «Сестра милосердия», «Раненый»
Итого: 7 стихотворений	Итого: 10 стихотворений	Итого: 4 стихотворения

Источник: Сулин С.Ф. Вторая отечественная война 1914–15 гг.: сборник стихотворений к современным событиям. Новочеркасск, 1915. С. 3–19.

Таким образом, в сборнике «Вторая отечественная война 1914–1915 гг.» преобладают стихи, либо безыскусно описывающие конкретное сражение – причем не через его реалии, а через авторские стереотипы, либо стихотворения более общего плана, о абстрактных битвах и обобщенном враге, столь же стереотипизированные и оторванные от реальности. Любопытно, что дальнейшая эволюция С.Ф. Сулина как поэта оказалась связана с развитием подобных стихов. Как мы упоминали выше, в эмиграции он издал сборник «Донцы в Тавриде». В предисловии к этому сборнику утверждалось, что он написан по «боевым дневникам частей» (Сулин, 1937: 3). И действительно, целый ряд стихотворений в этом сборнике описывает конкретные сражения и даже небольшие стычки, причем с точной датировкой в названии: «Боевое крещение Первого донского полка 25 мая 1920 г.» (Сулин, 1937: 13), «Вторая Конная Дивизия генерала Морозова в бою 25-го мая 1920 г.» (Сулин, 1937: 14), «Платовцы 13 июня 1920 г.» (Сулин, 1937: 15) и проч. Однако на практике описания сражений остаются крайне стереотипизированы и малоотличимы друг от друга, а привязка к конкретному бою осуществляется упоминанием в тексте фамилий участников, географических названий и названий частей. Иногда текст откровенно перегружен подобными деталями, которые к тому же абсолютно не индивидуализированы и лишены конкретных черт. В результате некоторые стихотворения приобретают комический эффект, поскольку действия казаков описываются, например, так (все четверостишия взяты нами из разных стихотворений):

«С своей бригадою лихою
Комбриг Татаркин удалой
У Гнаденфельда в конном строе
Со Жлобой бился, как герой» (Сулин, 1937: 16);
«В целом ряде мест опасных
Быстрым натиском атак
Гнал наш полк пехоту красных
И ворвался в Янчокрак» (Сулин, 1937: 17);
«Справа полк поддержит лавой
Восемнадцатый Донской
Слева прет на Либенау
С танком спешенный Восьмой» (Сулин, 1937: 36);
«Лихо бились Седьмой и Десятый,
Шли их пешие цепи вперед,
Охватили район Скелеваты

До гребня ее дальних высот» (в последних двух четверостишиях числа – номера казачьих полков – А.П.) (Сулин, 1937: 38).

Авторские стереотипы

Как раз стереотипизированность и оторванность от реалий Первой мировой войны делают стихотворения С.Ф. Сулина интересным источником. Они наглядно показывают, как, с точки зрения автора, должна выглядеть война – вот только этот идеализированный образ местами упрощен, местами ограничен, а местами вообще не имеет ничего общего с реальностью.

Прежде всего, российские солдаты в сборнике «Вторая отечественная война 1914–1915 гг.» не знают поражений. Вся их героика – это героика воинов-победителей, а героизму поражений, сопротивлению перед лицом превосходящего противника С.Ф. Сулин не уделит ни строчки.

В этом отношении особенно показателен поэтический отклик С.Ф. Сулина на оборону крепости Осовец в 1914–1915 гг. В настоящее время эта оборона обычно ассоциируется с «атакой мертвецов»: штыковой контратакой 13 роты 226 Землянского полка, солдаты которой к этому моменту были отравлены боевыми газами (Черкасов и др., 2011: 5-11). Однако в специфическом авторском поэтическом мире С.Ф. Сулина нет места подобным отчаянным, безнадежным атакам: российская армия у него всегда контролирует ситуацию. В результате стихотворение «Поручик Егоров в бою под Осовцом» описывает успешное, несмотря на понесенные потери, противодействие российскими артиллеристами германской артиллерии:

«Поручик Егоров с своей батареей
Две ночи, два дня простоял,
И – сбить укрепления – кровавой затее
Врага он огнем помешал» (Сулин, 1915: 12).

Неудачное для Российской империи Зимнее наступление в Карпатах 1915 г. позиционируется С.Ф. Сулиным «новым Венгерским походом» и подается так:

«Чрез Карпатские вершины
Направляя свой полет,
На Венгерские равнины
Войско русское идет.
Перевал за перевалом
У противников беря,
Бьют врагов в бою удалом
Рати Белого Царя» (Сулин, 1915: 18).

Отметим, что подобное восприятие войны как череды побед характерно и для «Донцов в Тавриде», описывающих, вообще-то, события, завершившиеся полным поражением стороны, подвиги которой живописал С.Ф. Сулин. Судя по одному из текстов, речь идет о принципиальной авторской позиции. Стихотворение «Лейб-Гвардии Атаманский полк 14-го марта 1920 г.» относительно подробно описывает один из боев этого полка до момента, когда становится понятно, что красные победили, после чего заканчивается так:

«Но закончим мы песню спокойно!
Что описывать каждый наш шаг:
Как француз поступил недостойно,
Как в упор нас расстреливал враг!..
Лучше скажем о доблестной были,
Как, свой полк возродивши в Крыму,
В непрерывных боях мы добыли
Новых лавров и славы ему!» (Сулин, 1937: 10).

В итоге и в этом сборнике С.Ф. Сулин пытается представить в качестве побед все бои, какие только возможно, мало учитывая их реальные результаты. Даже отступление казаков, почти дошедших до родного Дона, обратно в Крым оказывается «возвратным рейдом» и победой:

«Устраняя все преграды,
Рейдом смелым, удалым,

Брали станции и склады,
Пробиваясь с боем в Крым» (Сулин, 1937: 48).

В результате нарратив «Донцов в Тавриде» оказывается фундаментально внутренне противоречивым: белые войска в нем большую часть книги победоносно громят большевиков, а потом, без всякого перехода, оказывается:

«Оборону мы начали смело,
Но ломился враг силою в Крым,
И борьба нашей Армии Белой
Не по силам была уже с ним!» (Сулин, 1937: 49).

Таким образом, война С.Ф. Сулина – это всегда славные победы, даже если в итоге все кончается поражением. А вот поражения в его нарратив укладываются плохо и описываются только там, где этого нельзя избежать для связности повествования, причем предельно кратко. И, наконец, военная повседневность, черновая работа войны в его представлениях просто отсутствует. И это очень сильно сказывается как при описании конкретных боев, так и при описании связанных с войной эмоций.

В сборнике «Вторая отечественная война 1914–1915 гг.» наиболее подробно описываются кавалерийские бои в духе XIX в., если не более ранних периодов. Подчеркнем, что в данном случае мы говорим не о устаревшей образности, но именно о неверном, предельно архаичном описании конкретных боев. Например, в стихотворении «Дело казаков под Городком» описано бессилие пулеметов перед лобовой кавалерийской атакой и спасение российской пехоты от такой атаки ответным контрударом казачьей кавалерии:

«Из винтовок, пулеметов
Их встречает пульный град,
Но несутся дружным летом
Венгры в битву, в самый ад.
От пехотного отряда
Не осталось бы следа,
Коль мадьярам бы преграда
Не явилась тогда.
С леденящим душу гиком –
Нанести врагу удар –
Казаки в пылу великом
Налетели на гусар» (Сулин, 1915: 7-8).

В итоге лихие кавалерийские атаки в нарративе С.Ф. Сулина остаются наиболее эффективным способом ведения военных действий, а акцент на огнестрельное оружие позиционируется как слабость германской кавалерии, которую легко можно обмануть, просто притворившись мертвыми:

«Мчится в бешеной атаке
Горсть джигитов-казаков;
Немцы – слабые рубаки –
Ускакали от Донцов
И, открыв огонь по лаве,
Рады меткости своей,
Казаки ж в лихой забаве
Свислись к брюхам лошадей» (Сулин, 1915: 6).

Оговорим, что позднее, в «Донцах в Тавриде», С.Ф. Сулин описывал сражения одновременно более упрощено, с меньшей детализацией, и более разнообразно, местами даже упоминая взаимодействие разных родов войск (Сулин, 1937: 41). Однако фундаментальной и в этом сборнике оказывается идея о том, что казачья традиция сильнее современной техники:

«Там – орудья, пулеметы,
Кавалерия, стрелки,
Амуниция без счету,
Поезда, броневики –
А у нас все наши силы:
Сердце смелое в груди,

Позади – отцов могилы,
И Россия – впереди!
И мы бились в Сладкой Балке,
В Тиффенбруне у холмов
И разбили в жаркой свалке
Весь отряд большевиков» (Сулин, 1937: 39).

Столь же ограничена оказывается и эмоциональная палитра героев С.Ф. Сулина. Его герои *наслаждаются* войной в самом прямом смысле этого слова, а побудительным мотивом действий для них выступает *исключительно* патриотизм как таковой, готовность служить своей стране без всяких иных мыслей, связанных с верой, справедливостью или милосердием. Вот как донской поэт описывает чувства воина:

«Но, пылом боя упоен,
Боец весь полон вдохновенья,
И если падает, сражен,
То кровь отчизне отдал он –
И в том находит утешенье» (Сулин, 1915: 14).

В результате злодейства «кайзера» и «тевтонов» нигде не служат для героев С.Ф. Сулина обоснованием для ведения против них войны: обоснованием войны служит сама война, выступающая местом «вдохновения». В одном месте упоминается еще освобождение Галиции, однако и оно не связывается напрямую с чувствами воинов (Сулин, 1915: 9).

Итак, герои С.Ф. Сулина воюют, в конечном счете, ради самой войны. Выше мы уже при приводили цитату из его стихотворения «О казаке Крючкове», в которой казаки боятся, что «сгинут наши мечты нам самим воевать». Это не единственный подобный случай. В другом стихотворении так описан молодой казак, добровольцем идущий на войну:

«Войне, как празднику, он рад:
Казачья кровь в нем бьет не даром!
И зачисляется в отряд
Он добровольцем-санитаром» (Сулин, 1915: 11).

Даже раненый в одном из стихотворений С.Ф. Сулина мечтает вернуться из лазарета не в мирную жизнь, но именно на передовую:

«И так ярка картина боя,
Так вдохновляюще-жива...
Но сень больничного покоя
Берет над раненым права» (Сулин, 1915: 17).

Какой-либо мирной жизни, отличных от войны интересов у героев сборника «Вторая отечественная война 1914–1915 гг.» просто нет, и единственный раз, когда подробно описывается вознаграждение чудом выжившего героя за подвиг, оно сводится к тому, что «теперь капитан он, с тремя орденами, и славой навек награжден» (Сулин, 1915: 13).

Отметим, что в более позднем сборнике С.Ф. Сулина, в «Донцах в Тавриде», эмоциональная палитра героев хотя бы немного расширяется. Прежде всего, в их мыслях наконец появляется образ врага, хотя и предельно обобщенный; во-вторых, уже потерявшие свою родную донскую землю герои мечтают вернуть ее и рефлексиируют о своем будущем возвращении. Однако о какой-либо индивидуализированности, глубине или тонкости чувств речи не идет и здесь:

«А уж там, в Новочеркасске,
Ждут приход лихих полков:
Сколько радости и ласки
Ожидает нас – Донцов!
А в станицах молодежи
Нам навстречу поспешат,
Засияют счастьем лица,
Поцелуи зазвонят...
<...>.
Как в святыне наши степи
Коммунист-палач проник,

Как надел на семьи цепи
 Беспощадный большевик.
 Как безводные равнины
 Морем крови залились”...
 И печальные картины
 Перед взором пронеслись» (Сулин, 1937: 11).

И в итоге война предстает у С.Ф. Сулина своей парадной и славной стороной, еще и дополнительно идеализированной автором. Его Первая мировая не знает ядовитых газов, проблем со снаряжением, окопной грязи: это все еще война лихих кавалерийских атак и джигитовки. Армии, о которых он пишет, не знают или почти не знают поражений, но шествуют от победы к победе. Соответственно, и солдаты этих армий чужды рефлексии: они сражаются потому, что война для них «как праздник», само сражение с врагом доставляет им удовольствие, несет славу и ордена. И поэтому любопытно, но не удивительно, что в одном из своих стихотворений С.Ф. Сулин де-факто сознается в том, что и его герои могут выступать оккупантами в чужой стране, но никаких негативных эмоций в связи с этим он не испытывает:

«В гости венграм грозной силой
 Так приходит русских рать:
 Милый гости или немилый,
 А заставим принимать!» (Сулин, 1915: 18).

Попытки выхода

Наше представление о творчестве С.Ф. Сулина будет неполным, если мы не отметим несколько предпринятых им попыток выйти за пределы привычных образов войны. Все они связаны с реалиями Первой мировой и Гражданской: поэт пытался отобразить то, что не вписывалось в привычные ему рамки, но результаты чаще всего оставались неудовлетворительными.

В сборнике «Вторая отечественная война 1914–1915 гг.» мы встречаем всего одну подобную попытку, стихотворение «Казачи в окопах». Здесь С.Ф. Сулин как раз попытался изобразить будни войны, не лихие кавалерийские сшибки, но позиционные будни. Однако вся тяжесть подобной войны оказывалась сведена к невыразительному образу «жизнь ведут окопную тяжелую», а в остальном перед нами престаает типичный для С.Ф. Сулина казак, мастер рукопашного боя и гроза врагов, наслаждающийся войной:

«Но с конем расставшийся и спешенный
 Страшен стал казак своим врагам,
 В пешем строю удалю утешенный,
 Равен он героям-землякам.
 Применясь к окопному сидению,
 Он в ночных разведках удалых
 Режет проволоки колючей заграждение
 И в атаках бьется за троих» (Сулин, 1915: 16).

В «Донцах в Тавриде» подобных стихотворений больше, но приметы современной войны, авиация и броневики, оказываются встроены в тот же ряд лихих победоносных атак и, как ни странно, малоотличимы от всадников-казачков. Броневики вообще напрямую уподобляются последним. Они даже «бьют», а не расстреливают или давят противника:

«“Стерегущий” и “Свирепый”!
 Молодцы-броневики
 Били красных так свирепо,
 Как и наши казаки» (Сулин, 1937: 15).

Чуть более подробно характеризуется авиация, однако и ее образы сущностно несут в себе мало нового: ни ударов по городам противника, ни даже просто авиационных бомб в нарративе С.Ф. Сулина нет, и авиация используется для атаки врага так же, как и казаки, разве что основным ее оружием служит не шашка, а пулемет:

«Внезапным воздушным налетом,
 Порыву отдавшись всему,
 Сражают врага пулеметом

И панику вносят ему» (Сулин, 1937: 16).

Что же касается необычных для автора эмоций, то в сборнике «Вторая отечественная война 1914–1915 гг.» нет стихов, в этом отношении выбивающихся из общего ряда. «Донцы в Тавриде» снова оказываются интереснее: сам общий сюжет сборника заставил С.Ф. Сулина в конце рефлексировать о расставании героев с Россией. Наиболее необычно стихотворение «Прощание», обращенное к коням, которых бросали казаки, уходя из Крыма, однако и здесь, в конечном счете, преобладают привычные С.Ф. Сулину специфически-милитаристские образы. В его обращении к казачьим коням нет ни нежности, ни каких-то личностных деталей, а ценит он этих коней исключительно за то, что они «немало создали побед» (Сулин, 1937: 50). Поэтому и горечь расставания в итоге оказывается порождена тем, что казаки и кони больше не пойдут вместе в бой и не войдут во взятые ими города:

«Сердца полны неизъяснимой мукой:
Вам не носить в боях нас по полям!
И горько нам пред нашею разлукой,
Что вы теперь служить должны врагам.
И в городах, слышав ваше ржанье,
В окне у дев не заблестит взор, –
И ждут оне не радости свиданья,
А в ужасе – насилье и позор!» (Сулин, 1937: 51).

В итоге даже поражение белого движения и гибель воспеваемого им Дона интерпретируется С.Ф. Сулиным оптимистически, как очередное героическое свершение казаков. Его «Донцы в Тавриде» заканчиваются такими строками:

«Мы не достигли их (донских берегов – А.П.) и не спасли России,
Но молот боевой из нас ковал ту сталь,
Какую раздробить не смогут все стихии,
Пройдя всей жизни нашей даль.
Мы – кованая бронь! Сигнала ожидая,
Всегда готовы в бой, как ноша не тяжка,
И знаем, что не сгинет Родина Святая,
Раз бьется сердце казака» (Сулин, 1937: 53).

Реалистичность

Авторитетный современный исследователь донского казачества А.В. Венков высказывает справедливое сомнение в самой реалистичности подвига К.Ф. Крючкова, который якобы в одном бою убил 11 немцев, сам получив 16 ран (Венков, 2013: 102-106). А.В. Венков отмечает, что служивший с К.Ф. Крючковым в одном полку А.А. Гордеев в четырехтомной «Истории казаков» о своем однополчанине не упоминает; профессиональному военному очевидно, что «такое количество врагов можно убить, только преследуя бегущих, но никак не лицом к лицу»; наконец, 9 из 16 ран К.Ф. Крючкова были нанесены ему в спину (Венков, 2013: 102-106). Вывод историка достаточно прост: судя по описаниям боя, К.Ф. Крючков и его товарищи действительно столкнулись с превосходящими силами немцев, дали им бой, нанесли потери, а сами смогли, избежав жертв, отступить (Венков, 2013: 102-106). Однако официальный подвиг К.Ф. Крючкова, как считает А.В. Венков, «раздула официальная пропаганда», но «донской официоз “Донские областные ведомости” рассказ не перепечатал, да и вообще о подвиге Крючкова сообщал скупое, видимо, потому, что в основном читали его люди, разбирающиеся в военном деле» (Венков, 2013: 102-106).

Стихи С.Ф. Сулина тоже крайне наивны, и человеку, разбирающемуся в военном деле, очевидна нереалистичность целого ряда их сюжетов. Отметим, что это касается не только военных сюжетов: в посвящении к своему сборнику «Вторая отечественная война 1914–1915 гг.» С.Ф. Сулин обращается к тяжело больному гемофилией цесаревичу Алексею, предсказывая ему славное военное будущее в обычной своей образности славных казачьих атак:

«А ты с казачьими полками
Взлетишь, наш Витязь-Атаман,
И пред Твоими казаками
Вновь содрогнется вражий стан» (Сулин, 1915: 4).

Подобное обращение к фактически смертельно больному ребенку, как к «Витязю», у более изоциренного автора могло бы быть скрытой и злой издевкой.

Тем не менее, факт трех изданий сборника «Вторая отечественная война 1914–1915 гг.» показывает, что свою аудиторию во время Первой мировой войны С.Ф. Сулин нашел. К сожалению, у нас нет данных, чтобы установить, составляли ли основу этой аудитории гражданские, неспособные оценить всю нереалистичность патриотических стихотворений С.Ф. Сулина, наименее образованные военные, привлеченные тем, что в стихах якобы описывались конкретные битвы и подвиги, или невзыскательная в культурном отношении часть казачества, привлеченная традиционной образностью лихих казачьих атак. Но эта аудитория, вероятно, сама не осознавая этого, зачитывалась патриотическими стихами, герои которых мало отличались от клеймимых на соседних страницах «кайзера» и «тевтонов»: эти герои шли на войну как на праздник, вдохновлялись картинами боев и были готовы без рефлексий оккупировать страну, где их не ждали.

4. Заключение

Итак, батальные стихотворения С.Ф. Сулина в действительности транслируют стереотипизированные представления автора о войне вообще. Их привязка к конкретным сражениям и героям достаточно условна: значительная часть нарратива С.Ф. Сулина сконструирована из стандартных элементов, которые произвольно применяются к реальным сражениям. В результате образ войны в творчестве поэта своеобразен: это череда побед, одержанных героями, для которых война – это праздник и вдохновение, причем их излюбленным видом боя является лихая кавалерийская атака, якобы приносящая успехи даже против пулеметов и батарей. При всей упрощенности и условности такого образа войны: современник С.Ф. Сулина, П.Н. Краснов, в изданных в 1909 г. по заказу донских властей «Картинах былого Тихого Дона» прямо утверждал, что настоящий казак – это «*лихой конный воин*» (курсив в оригинале) (Краснов, 1909: 521). Идеальные казаки данной книги П.Н. Краснова вообще очень похожи на героев стихов С.Ф. Сулина. «Быть Донским казаком! Какое великое это счастье!», – восклицает П.Н. Краснов после рассуждений о военной славе казачества, которую якобы «знают и чтят» даже «чернокожие негры в Африке» (Краснов, 1909: 521). Схожий образ идеального воина-патриота, для которого счастье уже просто служить России оружием, в начале XX в. донские власти конструировали из Я.П. Бакланова (Перегатько, 2022: 221-238).

Поэтому знающий другие донские патриотические тексты начала XX в. читатель, знакомясь с книгами С.Ф. Сулина, будет испытывать своеобразное узнавание: перед ним не принципиально новые герои, но герои, похожие на героев «Картин былого Тихого Дона» П.Н. Краснова или на многочисленные интерпретации Я.П. Бакланова донскими авторами этого времени. Только у С.Ф. Сулина эти герои действуют в псевдо-современных автору реалиях, не на Кавказе середины XIX в. или в Сибири XVI в., но на полях Первой мировой, а позднее Гражданской войн. Соответственно, патриотически настроенный донской читатель был подготовлен к стихам С.Ф. Сулина военной пропагандой предшествующего периода, транслировавшей схожие образы. Поэтому, при всем несовершенстве стихов донского поэта, у них были и есть почитатели, для которых стереотипизированность и нереалистичность войны, описанной донским автором, оказывается не недостатком, а достоинством.

И.В. Алферова, анализируя содержание газеты «Армейский вестник», органа Юго-Западного фронта российской императорской армии Первой мировой войны, приходит к выводу: «Сам стиль в изображении “героического”, который сформировался уже в первые месяцы на страницах газеты, характеризовался избитыми стереотипами, поверхностными обобщениями, гиперболизацией военной доблести солдата российской армии и карикатурным изображением противника» (Алферова, 2016: 11). Подобная характеристика в полной мере относится и к стихам С.Ф. Сулина. По мнению И.В. Алферовой, подобные стереотипизированные патриотические нарративы могли годиться для «читающей публики в тылу», но «для комбатанта, уже получившего боевое крещение, “нелепая бравада” могла вызвать только отторжение» (Алферова, 2016: 11-12).

Дополнительно ухудшало ситуацию еще и то, что в военном нарративе С.Ф. Сулина фактически отсутствовало объяснение смысла войны для негативно или нейтрально относящегося к ней человека: для автора и его героев война была благом, «праздником»,

ей были посвящены их «мечты». Немногочисленные стихотворения о преступлениях «тевтонцев» и «кайзера» в целом оказывались малоубедительны: в них отсутствовала какая-либо конкретика, а герои стихов С.Ф. Сулина стремились на войну не чтобы восстановить справедливость или добиться лучшего послевоенного мира, даже не для того, чтобы защитить родину, но ради самой войны. Соответственно, даже часть «читающей публики в тылу», критически настроенная к войне, могла вычитать в стихах С.Ф. Сулина только оправдание своей позиции, поскольку героические, в представлении автора, казаки, для человека пацифистских или просто антивоенных взглядов оказываются персонажами немногим более симпатичными, чем противостоящие им германцы и австрийцы.

Итак, оценка К.А. Пахалюком стихотворений С.А. Сулина как «вирш», главным достоинством которых является патриотизм в сущности верна. Однако именно это делает его стихи полезными для понимания эпохи. Из них видно, насколько представления казака, много лет служившего офицером, не соответствовали реалиям Первой мировой войны – и видно, насколько специфическим был патриотизм этого казака. Военная пропаганда начала XX в. подготовила по крайней мере часть казаков к войне, сформировав у них определенные представления об этой войне – но, как показали 1914–1917 гг., реальности эти представления о лихих кавалерийских атаках на пулеметы и батареи и о войне как «празднике» не соответствовали.

Литература

Алферова, 2016 – Алферова И.В. «Армейский вестник» и «Героическое» на его страницах в годы Первой мировой войны // *Вестник Брянского государственного университета*. 2016. № 4(30). С. 7-12.

Борисов, 2015 – Борисов Д. Сергей Сулин. Поэзия Первой мировой войны [Электронный ресурс] URL: <https://borisovdimitry.livejournal.com/42798.html?ysclid=lv5mjefahv162559581>

Венков, 2013 – Венков А.В. Подвиг Козьмы Крючкова // *Донской временник*. Вып. 22. Ростов-на-Дону, 2013. С. 102-106.

Герасимова, 2012 – Герасимова И.Ф. Первая мировая война в поэзии русских футуристов 1914 – 1916 гг. // *Вестник Адыгейского государственного университета*. Серия 2: Филология и искусствоведение. 2013. Вып. 1. С. 47-57.

Герасимова, 2014a – Герасимова И.Ф. Имперский пафос в русской батальной лирике начального периода первой мировой войны // *Локус: люди, общество, культуры, смыслы*. 2014. № 2. С. 5-10.

Герасимова, 2014b – Герасимова И.Ф. Патриотические мотивы в русской военной поэзии начального периода Первой мировой войны // *Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского*. 2014. № 2. С. 19-22.

Карасев, 1896 – Карасев А.А. Записка князя А.М. Дондукова-Корсакова о Земле Войска Донского // *Русский архив*. 1896. Кн. 12. С. 569-592.

Королев, 1991 – Королев В.Н. Старые Вешки. Повествование о казаках. Ростов-на-Дону, 1991. 464 с.

Косанович, 2004 – Косанович Б. Сербия и Черногория в русской поэзии Первой мировой войны / Первая мировая война в литературах и культуре западных и южных славян. М., 2004. С. 64-71.

Краснов, 1909 – Краснов П.Н. Картины былого Тихого Дона. СПб., 1909. 522 с.

Маяковский, 1968 – Маяковский В.В. Война и язык / Собрание сочинений в восьми томах. Т. 1. М., 1968. С. 374-377.

Пахалюк, 2011 – «Гордись, наше войско: богатством духовным...» [Электронный ресурс]. URL: <https://kar1914.livejournal.com/1947.html?ysclid=lv6eogz87770686974>

Перетягко, 2022 – Перетягко А.Ю. Донская дореволюционная историография Кавказской войны: от маловажной войны к мемориальному культу Я.П. Бакланова // *Электронный журнал «Кавказология»*. 2022. № 4. С. 221-238.

Рыкунина, 2015 – Рыкунина Ю.А. Первая мировая война в текстах писателей из народа // *Новый филологический вестник*. 2015. № 1(32). С. 32-45.

Сулин, 1915 – Сулин С.Ф. Вторая отечественная война 1914-15 гг.: сборник стихотворений к современным событиям. Новочеркасск, 1915. 20 с.

Сулин, 1937 – Сулин С.Ф. Донцы в Тавриде. Болгария, 1937. 53 с.

Черкасов и др., 2011 – Черкасов А.А., Рябцев А.А., Меньковский В.И. «Атака мертвецов» (Осовец, 1915 г.): миф или реальность // *Былые годы*. 2011. № 4. С. 5-11.

Чибисова, 2012 – Чибисова С.П. Сергей Сулин - поэт и театрал // *Донской временник*. Вып. 21. Ростов-на-Дону, 2012. С. 177-181.

References

Alferova, 2016 – Alferova, I.V. (2016). «Armeiskii vestnik» i «Geroicheskoe» na ego stranitsakh v gody Pervoi mirovoi voiny [“The Army Bulletin” and “Heroic” on the pages during the World War I]. *Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta*. 4(30): 7-12. [in Russian]

Borisov, 2015 – Borisov, D. (2015). Sergei Sulin. Poeziya Pervoi mirovoi voiny [Sergei Sulin. Poetry of World War I]. [On-line] URL: <https://borisovdimitry.livejournal.com/42798.html?ysclid=lv5mjefahv162559581> [in Russian]

Cherkasov i dr., 2011 – Cherkasov, A.A., Ryabtsev, A.A., Menjkovsky, V.I. (2011). «Атака мертвецов» (Осовец, 1915 г.): миф или реальность [“Dead Men Attack” (Osovets, 1915): Myth or Reality]. *Bylye gody*. 4: 5-11. [in Russian]

Chibisova, 2012 – Chibisova, S.P. (2012). Sergei Sulin – poet i teatral [Sergei Sulin – a poet and theatregoer]. *Donskoi vremennik*. Is. 21. Rostov-on-Don, pp. 177-181. [in Russian]

Gerasimova, 2012 – Gerasimova, I.F. (2013). Pervaya mirovaya voina v poezii russkikh futuristov 1914 – 1916 gg. [The World War I in poetry of the Russian futurists of 1914 – 1916]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo*. 1: 47-57. [in Russian]

Gerasimova, 2014a – Gerasimova, I.F. (2014). Imperskii pafos v russkoi batal'noi lirike nachal'nogo perioda pervoi mirovoi voiny [The imperial pathos in the Russian battle lyrics of the beginning of World War I time]. *Lokus: lyudi, obshchestvo, kul'tury, smysly*. 2: 5-10. [in Russian]

Gerasimova, 2014b – Gerasimova, I.F. (2014). Patrioticheskie motivy v russkoi voennoi poezii nachal'nogo perioda Pervoi mirovoi voiny [Patriotic motives in Russian war poetry of first period of World War I]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo*. 2: 19-22. [in Russian]

Karasev, 1896 – Karasev, A.A. (1896). Zapiska knyazya A.M. Dondukova-Korsakova o Zemle Voiska Donskogo [A note by prince A.M. Dondukov-Korsakov about the Don Host Oblast]. *Russkii arkhiv*. Kn. 12, pp. 569-592. [in Russian]

Korolev, 1991 – Korolev, V.N. (1991). Starye Veshki. Povestvovanie o kazakakh [Old Veshki. The story about the Cossacks]. Rostov-na-Donu, 464 p. [in Russian]

Kosanovich, 2004 – Kosanovich, B. (2004). Serbiya i Chernogoriya v russkoi poezii Pervoi mirovoi voiny [Serbia and Montenegro in Russian poetry of World War I]. Pervaya mirovaya voina v literaturakh i kul'ture zapadnykh i yuzhnykh slavyan. M., pp. 64–71. [in Russian]

Krasnov, 1909 – Krasnov, P.N. (1909). Kartiny bylogo Tikhogo Dona [Pictures of the former Quiet Don]. SPb, 522 p. [in Russian]

Mayakovsky, 1968 – Mayakovsky, V.V. (1968). Voina i yazyk [War and Language]. *Sobranie sochinenii v vos'mi tomakh*. T. 1, Moscow, pp. 374-377. [in Russian]

Pakhalyuk, 2011 – Pakhalyuk (2011). «Gordis', nashe voisko: bogatstvom dukhovnym...» [“Be proud, our Host: of spiritual wealth”]. [On-line] [Electronic resource]. URL: <https://kap1914.livejournal.com/1947.html?ysclid=lv6eogz87770686974> [in Russian]

Peretyatko, 2022 – Peretyatko, A.Yu. (2022). Donskaya dorevolyutsionnaya istoriografiya Kavkazskoi voiny: ot malovazhnoi voiny k memorial'nomu kul'tu Ya.P. Baklanova [Don pre-revolutionary historiography of the Caucasian war: from an unimportant war to the memorial cult of Ya.P. Baklanov]. *Elektronnyi zhurnal «Kavkazologiya»*. 4: 221-238. [in Russian]

Rykunina, 2015 – Rykunina, Yu.A. (2015). Pervaya mirovaya voina v tekstakh pisatelei iz naroda [The First World War in Art Works by “Peoples Writers”]. *Novyi filologicheskii vestnik*. 1(32): 32-45. [in Russian]

Sulin, 1915 – Sulin, S.F. (1915). Vtoraya otechestvennaya voina 1914–15 gg.: sbornik stikhotvorenii k sovremennym sobytiyam [The Second Patriotic War of 1914–15: a collection of poems on contemporary events]. Novocherkassk, 20 p. [in Russian]

Sulin, 1937 – Sulin, S.F. (1937). Dontsy v Tavride [Don Cossacks in Taurida]. Bulgaria, 53 p. [in Russian]

Venkov, 2013 – Venkov, A.V. (2013). Podvig Koz'my Kryuchkova [The feat of Koz'ma Kryuchkov]. *Donskoi vremennik*. Is. 22. Rostov-on-Don. Pp. 102-106. [in Russian]

Патриотическая поэзия С.Ф. Сулина: стереотипизация донских казаков

Артем Юрьевич Перетяцько ^{a, b, *}

^a Черкас глобальный университет, Вашингтон, США

^b Волгоградский государственный университет, Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена анализу патриотической поэзии казачьего поэта С.Ф. Сулина. С.Ф. Сулин – отставной офицер, поэт-любитель из донского дворянского рода, в XXI в. привлёкший некоторое внимание как автор сборника «Вторая отечественная война 1914–15 гг.». В статье показано, что С.Ф. Сулин работал с патриотическим материалом достаточно своеобразно: хотя значительная часть его стихов формально посвящена конкретным сражениям и подвигам, фактически автор в них транслирует свои стереотипы о том, как должна выглядеть война и ее герои. При этом стереотипы С.Ф. Сулина были архаичны, ограничены и не соответствовали реалиям Первой мировой войны: в его стихах не была отражена ни позиционная война, ни военная повседневность, зато он регулярно живописал лихие кавалерийские атаки. Еще более специфичным и ограниченным оказывается эмоциональный диапазон его героев: они воспринимают войну как «праздник» и даже «мечту», и не испытывают никакой рефлексии на ее счет. Подобные образы тесно связаны с дореволюционной военной пропагандой в казачьих войсках, в частности, с книгой «Картины былого Тихого Дона» П.Н. Краснова, в которой также предлагался образ настоящего казака как «лихого конного воина», для которого счастьем является служить России оружием. В результате стихи С.Ф. Сулина могли оказывать определенный пропагандистский эффект на людей, усвоивших подобный образ казака, однако для людей пацифистских и антивоенных взглядов подобные стихи были малопривлекательны.

Ключевые слова: военная пропаганда, патриотическая поэзия, донское казачество, Первая мировая война, стереотипы.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: ArtPeretatko@yandex.ru (А.Ю. Перетяцько)